КУБОК БРЭДБЕРИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В этом городе, полном плесени и загадок, укрытом пеленой дождя, спрятанном от солнца, всего десять улиц, по которым можно не страшно ходить. И на одной из них тебя ждет она — Госпожа Десяти Улиц…

Лауреат конкурса «Кубок Брэдбери» в номинации «Киберпанк».

- Антон Армеев
  - ○

Антон Армеев
Десять Улиц

Город пахнет плесенью и загадками. Запах плесени на мокрых, прогнивших до последней бетонной плиты улочках навевает мысли о древних гробницах. Запах загадок, кроющихся во тьме заблёванных переулков и в неоновом свету пропагандистских голограмм, заставляет меня вновь и вновь выходить в этот тесный, будто бы вакуумно сжатый мир, принюхиваться и… Искать.

Я не могу сказать наверняка, какой из этих запахов сильнее. Один меня отвращает, другой соблазняет; а их смесь напоминает что-то давно забытое даже не мной, а какими-нибудь далёкими предками из глубин веков. Всё это в моих генах, и я не могу противиться эмоциям, которые против воли вызывает у меня этот сияющий город, жемчужина умирающего мира.

Здесь люди ещё достаточно смелы, чтобы беспрепятственно гладить округлые бёдра женщин в красных платьях, поющих нью-джаз в ночных клубах. Здешняя полиция смотрит сквозь пальцы на откровенную коррупцию и убийства в переулках; жирный коп плотоядно ухмыляется, пока кукла-андроид в борделе на Шестьдесят Второй безрезультатно обслуживает его уже почти час. Мы утопаем в грязи. Мы — дети падшего Содома и похотливой Гоморры, и нас уже ничто не исправит.

Даже могила. Ведь мы уже живём прямо в ней.

* * *

Лабиринтами переулков я возвращаюсь в контору, когда на горизонте, пробиваясь сквозь толстенное покрывало смога, брезжит фальшивый бирюзовый рассвет. Я никогда не видела Солнца — настоящего, космического. Никто его не видел из ныне живущих. Мы вынуждены любоваться лишь тошнотворно-зелёной голограммой, которую добрый дядюшка мэр вывешивает нам на обозрение по утрам.

Косая табличка над решётчатой дверью — «Салон виртуальных услуг Десяти Улиц». Поворот ключа с тихим скрежетом, шаг вперёд, в забитый хламом коридор, в который еженедельно наведываются бомжи-мародёры, словно рассчитывая чем-то поживиться. Автоматическая турель на потолке работает в таких случаях исправно; мне же остаётся смести на совок

образовавшиеся кучки дымящегося пепла и вышвырнуть в мусоропровод.

Плавное движение ладонью над панелью — неоновое «Закрыто, катитесь к чёрту» сменяется на «Открыто, добро пожаловать». Буду ждать клиентов. За ними дело не станет. В этом городе все бегут от реальности: те, кто победнее, подсаживаются на «панацею» и загибаются в мгновение ока, а кто побогаче, наведываются ко мне. Двери салона открыты для тех, кто может заплатить…

Я прохожу в контору и снимаю шляпу. Загорается лампочка на потолке — старая система обслуживания ещё выжимает из себя какие-то соки.

— Здравствуй, Хрипун, — киваю я в никуда. Система подаёт откуда-то дребезжащий, надрывистый сигнал, будто бы радуясь моему появлению. — Что на завтрак?

— Госпожа Десять Улиц, могу предложить беконные шкварки из кафе напротив и бренди. Но придётся подождать двадцать две минуты по самым скромным прикидкам — на винном заводе в западном гетто очередная забастовка. Полиция уже выехала; огнемёты приведены в боевую готовность.

— Двадцать две минуты, — повторяю про себя. — Долго. Ну да ладно, оно того стоит.

Привычка пить с утра досталась мне от отца. Иногда я проклинаю себя за то, что позволяла ему так долго быть моим героем, моим примером для подражания. А ведь стоило лишь здраво подумать — и стало бы ясно, что героического в нём не больше, чем в переполненной дерьмом сточной канаве. Папаша только и умел, что надираться в стельку ещё до рассвета, а когда мне удавалось его разбудить, он дышал на меня перегаром и тянул свои грязные лапищи. Так что я уже тогда запомнила, что самое безопасное место в мире — это шкаф. Там он достать меня не мог.

Ирония состоит в том, что папашин скелет до сих пор хранится у меня в шкафу, за фальшивой стенкой. Надеюсь, ему там вполне комфортно.

Двадцать минут пролетают незаметно за разбором бумаг. Натыкаюсь на замызганный жиром стикер с серийным номером — ох ты ж чёрт, надо было давно это сделать.

Я направляюсь к киберфону, ввожу серийный номер и жду соединения. Подключение к цифровому мозгу андроидов — дело долгое, да и не всегда удаётся нормально поговорить. Правительство отыскивает роботов-смутьянов, и если тот, кому я звоню, запорол всё дело, это его проблемы. Но…

— Я слушаю, — вежливо говорит андроид.

— Здравствуй, Грегориан. Это Десять Улиц. После нашего дела мы так и не связались, так что я просто хочу узнать, всё ли хорошо.

Грегориан ненадолго замолкает — я понимаю, что он ищет безопасное место, чтобы поговорить без свидетелей.

— Знаете, я сейчас на работе, — доверительным тоном сообщает он. — У меня появилась работа. Что касается Кассандры, она… Она ничего не знает. Точнее, не догадывается.

— Рада, что интеграция прошла успешно.

В вопросах интеграции андроидов в человеческую среду мне равных нет во всём городе. Конечно, я многим рискую. Нужно не только укрыть у себя беглую машину, но и суметь без вреда для её цифрового рассудка внедрить в сознание человеческие эмоции и фактически «научить жить». Грегориан был проблемным. Но я рада, что он наконец обрёл себя. Хоть для меня это значит лишь то, что я ответственно выполнила свою работу — не более того.

— Что ж, хорошо. А как ты собрался объяснить ей своё бесплодие?

— Хирургической операцией, осуществлённой во время службы в космических войсках, — отчеканивает Грегориан.

— Говори проще. Если будешь выражаться подобными словечками, тебя раскусят в два счёта. Просто скажи, что воевал, и что тебе отрезали яйца в плену. Кстати, твоё внешнее состояние это подтверждает.

— До близкого контакта у нас ещё не доходило.

— Люди зовут это «секс», Грегориан, — вздыхаю и слышу вежливое покашливание Хрипуна. — Мне пора работать. Удачи тебе.

Не дав андроиду попрощаться, я через взломанную функцию киберфона удаляю все его воспоминания обо мне и о Салоне. Ни к чему оставлять ищейкам хлебные крошки.

Хрипун доставил обещанный бекон и бренди. От бутылки с тёмной жидкостью несёт палёным.

— Смотрю, выпивка прямиком с поля боя? — приподнимаю одну бровь. — У тебя хорошие каналы поставки. Пожалуй, ещё придержу тебя месяцок, прежде чем заменить.

— А можно просто приобрести обновление, — с лёгкой обидой просипел Хрипун. — Кстати, у дверей уже кто-то стоит.

— Лень идти к видеофону, — спешно поглощая бекон, отзываюсь я. — Как он выглядит?

— Минуту, должен прочистить камеру, — система зашипела, запуская какие-то внутренние процессы.

— Вопрос о твоей замене всё ещё актуален.

Хрипун пропускает остроту мимо своих цифровых ушей — он

привык за столько лет.

— В возрасте, седой. Серый плащ, чёрная шляпа. Ни усов, ни бороды.

— Андроид?

— Анализирую. Нет, человек.

— Какого чёрта ему здесь надо? — осушаю первую рюмку бренди и закусываю найденным на столе крекером. Мысли выстраиваются в логическую цепочку. Если гостя не интересует интеграция, значит, он ищет законных способов наслаждения. Например, желает отправиться в виртуальный мир, чтобы предаться воспоминаниям. Да, такие приходят иногда — приносят с собой кассеты, на которых остались крупицы их жён, мужей, детей, домашних животных… Виртуальная среда даёт хоть на несколько часов вновь увидеться с мёртвыми, пообниматься с ними, потрепаться на привычные темы. Правда, из вирта мало кто выходит в своём уме и при памяти — цифровой мир питается человеком в минуты единения, высасывает самое ценное, что можно добыть из мешка с костями — его душу.

Немудрено, что каждого третьего такого визитёра мне приходится после сеанса садить в такси и отправлять в психлечебницу.

— Мне впустить его? — осведомляется Хрипун.

— Погоди… Руки держит в карманах?

— Да, госпожа.

— Сукин сын! — бросаю ругательство к потолку. — Шпик?

— На правительственного агента не похож. И он не один.

Машинально бросаю взгляд на револьвер, валяющийся на столе. Однажды один такой уже приходил ко мне. Я была неосторожна, и он вынюхал, что я помогаю беглым андроидам.

Прискорбно, но любимому папочке в шкафу в тот день пришлось немного потесниться.

— А с кем он, Хрипун?

— Девочка. На вид лет двенадцать. Она мёрзнет. Вся промокла — на улице дождь.

— Он и не прекращается в этом грёбаном городе, — напоминаю я. — Что ж, впускай. Турель не активируй. Не будем их пока пугать.

Хрипун послушно отпирает входную дверь, и я выпрямляюсь в кресле, готовая к общению с потенциальными клиентами. Револьвер скрыт листом бумаги. Реакция у меня неплохая, волноваться не о чем… И всё же волнуюсь. Никогда раньше в Салон не приводили детей.

Седой мужчина входит первым. Я прищуриваюсь, оцениваю его на вид — потрёпанный, явно не из состоятельных. Не женат —

кольца нет. Облизывает губы, почуяв в воздухе пары бренди — алкоголик. В уголках глаз залегли чёрные пятна — употребляет «панацею», судя по всему, около месяца. Странный тип. Не люблю таких.

Девочка. Вот кто интересен. Рыженькая, худенькая. Скромная, зажатая, смотрит на меня как на диковину. Смешная — кто-то заплёл ей волосы в четыре длинных хвоста. Затравленная, как сомик среди пираний. Впрочем, в этом городе других детей и не водится.

— Я вас слушаю.

— Госпожа Десять Улиц? — мужчина смотрит на меня с глупой надеждой, как будто надеется на подаяние или ещё чего-то в этом духе. Отвечаю подозрительным хмыканьем.

— А вы не видели таблички? Если так, то должна со старта расстроить — я не лечу слепоту.

— Нет-нет, — быстро тараторит мужчина, присаживаясь на стул. Девочка остаётся на ногах. — Дело в том, что нам нужна… Нужен… Вы слышали про Детей Солнца?

Ох, мать вашу. Сектанты. Гнать их взашеи!

Искушение помахать револьвером становится невыносимым.

— Мне не нужны ваши буклеты. Вступать куда-то и делать какие-то взносы тоже не собираюсь. Прошу на выход.

— Послушайте, — молит он. Чудак. И ведь не прочитать по глазам, что ему на самом деле нужно. Уж лучше бы ещё одна интеграция… — Вы должны нас выслушать. Во всём городе нет никого, кто бы за это взялся. Мы и так рискуем, придя сюда.

— А я рискую, принимая вас. Выкладывайте, но у вас всего минута.

Не ожидая услышать ничего интересного, вновь принимаюсь за бекон.

Мужчина наклоняется вперёд и еле слышно шепчет:

— Мы знаем, как вернуть Солнце.

Смотрю на него как на умалишённого. Потом на девочку. Та потупилась, будто готовится отвечать сложный урок перед классной голодоской.

— Солнце не миф, — говорю я. — Оно есть, просто мы его не видим. Чёртов смог. Когда-нибудь, говорит мэр, мы сможем вновь им насладиться. Подозреваю, что он безбожно пи… — осекаюсь, не хочется шибко сквернословить при ребёнке. — Лжёт. И тем не менее, мне настолько плевать на солнце…

— Вы ничего не знаете, — мужчина чуть ли не перегибается через стол. — Вы не знаете, почему от вас прячут солнце.

— Наверняка для того, чтобы мы не схватили загар, — отвечаю я едко и краем глаза замечаю тень улыбки на лице

девочки.

— Солнце недооценивают простые люди. Но мэр и его приспешники — а кроме них, другие ублюдки, — все они знают, насколько важно солнце в этом мире. Насколько ярким символом борьбы и жизни оно являлось в прошлом, и насколько люди нуждаются в нём сейчас.

— Нам дали Атом. Аналог Солнца.

— Зелёный шар? — фыркает мужчина. — Эта подделка, которую проецируют на небо, чтобы людям хоть что-то светило? Вы хотите сказать, что вам не нужны ни Солнце, ни Луна — а только эта жалкая проекция?

— Я так и не понимаю, чего вы от меня хотите.

— Наш город умирает, — только теперь я умудряюсь заметить, насколько он стар. — Вы сами видите это. Ведь видите? Я читаю ваш блог.

«О, чёрт. Знала ведь, что надо ставить анонимайзер».

— Вы пишете про пороки и смерть. Про запахи плесени и загадок. Про то, что мы живём в могиле. Ведь не просто так вы это пишете, а? Скажите, что не просто так!

Его глаза слезятся, но жалости я не испытываю. Меня невозможно убедить в чём-то просто так, слёту. К тому же мне остаётся неясна цель его визита.

— Хвалебные комментарии вы можете оставить и в блоге. Не нужно для этого идти в Салон. Но вы правы, я прекрасно вижу, что в дерьме мы плаваем по горло. Иногда тонем и прихлёбываем. И нам удаётся совместными усилиями отхлебнуть ровно столько, чтобы снова забарахтаться на поверхности, и этого хватает, чтобы…

— Чтобы что? — перебивает он меня. — Чтобы существовать? Чтобы смотреть в жёлто-серое небо, не зная своих возможностей? Не зная границ? Не зная будущего?

— Оглядитесь, — смеюсь я. — Будущее пришло. Вот оно, перед вами.

— Будущее скрыто, — качает он головой. — И здесь нет религиозного подтекста, я сам его не приветствую. Дело в том, что мы кое-что узнали. Мы кое-что смогли найти.

— Что же?

— Её.

Девчонка выступает вперёд из тени и несмело глядит мне в глаза. Я присматриваюсь внимательнее… Чёртов Хрипун, вечно он что-то упускает! В этот раз, проанализировав седовласого, он забыл про диагностику его спутницы.

— Она андроид, — выдавливаю я сквозь зубы. — Зачем она тут?

— Я хочу, чтобы вы оцифровали её сознание, — признаётся мужчина и ждёт моей реакции. Не дождавшись, продолжает: — Бесплатно. У нас нет денег, чтобы с вами расплатиться. Но наградой, настоящей наградой станет Солнце! Настоящее! Космическое!

— Я снова ничего не понимаю.

— Эту девочку, — седой чуть ли не лезет на мой стол в возбуждении, — мы нашли на свалке. Чтобы починить её и привести в порядок, ушла уйма времени, ресурсов и человеческих жизней! Она важна как никто другой. Дело в том, что более двух сотен лет назад её отправили на межпланетном корабле, используя как накопительный резервуар для различной информации.

— Бортовой журнал в человеческом теле, ага.

— Вы начинаете улавливать. Уже тогда некоторые андроиды выходили из-под контроля и совершали действия, не одобренные людьми. И девочка записала то, чего никто из простых жителей нашего мира знать не должен был!

Червячок интриги слабо шевельнулся. Я не была так уж захвачена рассказом старика, но узнать, чем всё закончилось, хотелось.

— Солнце спрятано за куполом, — разводит руками седой. — Специальный купол, постройка которого ограничила получаемую нами естественную солнечную энергию! Заменили синтетикой, искусственным ультрафиолетом… Отняли у нас сам свет! А сейчас планируют строить то же самое вокруг Луны. Вам может показаться, что это невозможно, но поверьте — вся эта информация содержится в голове вот этой девочки… Посмотрите сами, если не верите.

— У меня нет на это времени.

— Куда, по-вашему, идёт энергия Солнца, которой мы лишены?

Вопрос явно ставится так, чтобы удивить меня, загнать в идейный тупик. Но я всё-таки пробую поворочать мозгами:

— М-м-м… Колонизация других планет?

— Впечатляющая мысль, и она не так уж далека от истины! — мужчина заметно расслабляется. — Второе столетие в нашей Солнечной системе ведутся работы по созданию отдельной маленькой планеты. Им удалось сымитировать Большой взрыв в вакууме, фактически вырастить своё новое обиталище из ничего…

— Постойте. Кому — им?

— Власть имущим, конечно же! — хлопает он глазами. Интересные глаза — в них я вижу не просто фанатичную

уверенность в своей правоте. Есть там что-то ещё… Что же? Воля? Жизнь? Это такие привычные слова, но, кажется, я впервые за долгое время встречаю человека, столь явно выражающего и первое, и второе.

— Они хотят создать себе мир, в котором создадут что хотят. Солнечной и лунной энергии хватит на целую вечность. Но разве станут они делиться с нами — простыми людьми? Разве пустят хоть одного плебея на эту благословенную светлую планету? Нет, местечко на ней уготовано миллионеру, эпикурейцу, плутократу! Но уж точно не нам с вами… Наша судьба — довольствоваться этим уродливым Атомом. И больше никогда не увидеть настоящего солнца.

— Мир построен на неравенстве. Всегда будут те, кто хочет больше и кто это получит. Равно как и всегда будут те, кто останется ущемлён.

— Но неужели нельзя изменить это? — глаза его продолжают слезиться, но своего седой добился — он меня заинтересовал. Хотя я до сих пор не уверена, что всё это правда. — Вы единственная, кто может помочь. Единственная, кто способен понять всю боль этого гнилого мира и выплеснуть её в одном благородном порыве.

— Вы преувеличиваете. Есть и другие Салоны.

— Но судьба привела меня к вам, — он хватает меня за руку. Хватка мягкая, не настойчивая, так что револьвер пусть ещё пока полежит. — Не к другому специалисту, а к вам!

— Так что вы хотите, чтобы я сделала с девочкой?

Мужчина поворачивается к своей спутнице. Та делает ещё шаг вперёд, слегка улыбается и наклоняет свою милую головку.

— Я ношу в себе записанные программные коды большинства цифровых процессов, протекающих в куполе вокруг Солнца, — сказала она слишком механично. Хорошо, что на улице её не засекли. — Воспользовавшись сейчас удалённым доступом, мы можем воздействовать на систему.

— И взорвать купол! — довольно хохочет мужчина.

— Взорвать — маловероятно, — говорит девочка укоризненно. — Но остановить его работу, запустить процесс постепенного разрушения… Это возможно.

— Вроде как послать в систему вирус? — киваю.

— Не совсем. Опытный хакер может использовать эти данные для того, чтобы прервать и нарушить функционирование купола. Обслуживается эта система старыми роботами, которые в большинстве своём уже несовершенны. Они не могут мыслить самостоятельно, но могут быть перепрограммированы на замедленную подрывную работу — таким образом, живущие на

солнечной планете люди даже не узнают о разрушении купола. По крайней мере, пока не начнётся глобальная утечка энергии и их планета не будет предоставлена сама себе.

Они оба безумцы. Даже если всё это правда, то какой резон мне вмешиваться в это? Я не супергероиня, я не умею спасать людей. Всё, что я делала за последние годы — это губила их рассудок, пропуская через вирт, ну и возилась с беглыми андроидами. Я никогда не претендовала на спасение мира, но…

— Я видела Солнце, — добавила девочка. — И решила, что оно слишком прекрасно, чтобы им могли любоваться не все…

Солнце. Какое оно?

Белое? Жёлтое? Большое или маленькое?

А Луна? В книгах пишут, она ещё красивее…

И если это правда, то почему какие-то твари возомнили себя недобогами и решили, что общее Солнце должно принадлежать им одним?

Перед моим мысленным взором пронеслись сотни написанных в блог заметок. В самых мрачных и тягучих выражениях выражала я свою боль, свои страхи, свою ненависть к опостылевшему тёмному миру, где всё искусственное — я всегда это смутно подозревала — а теперь ещё и получила такое внезапное откровение… Душа моя ранена была с рождения. А седой мужчина разбередил рану, засыпал в неё жгучей соли — и как же я его теперь презирала за это… И одновременно была благодарна.

Что ж. Этот город пахнет плесенью и загадками. И если уж на то пошло, то почему бы не взяться за эту загадку?

А состоит она в том, как наиболее безопасно для себя совершить задуманное.

Мужчина и девочка смотрят на меня с надеждой. Они знают — лассо уже затянуто, я захвачена их бредовой идеей. Но сперва я в любом случае собираюсь засунуть девочку в вирт, просканировать данные и убедиться хотя бы в том, что она не солгала.

* * *

Она не солгала.

* * *

Спустя несколько дней я и Дафния — так звали девочку —

подходим к зданию борделя с чёрного хода. Я не держу её за руку, не говорю с ней, вообще делаю вид, что её не существует. Так надо. Окружающие будут думать, что она — обычная попрошайка, приставшая к занятому детективу, а драное облачение Дафнии только больше уверит их в этом.

Я хорошо постаралась, чтобы скрыть большую часть её механических примочек. Применила пару приёмов из области интеграции, убрала этот механический выговор, научила кое-каким эмоциям, загрузила даже чихание, кашель, сморкание. Сделала всё, чтобы драгоценная девочка ничем не выдала себя.

Может, я даже немного перестаралась… Никогда не имела дел с детьми. Так что признаюсь — увлеклась.

Карман оттопыривал увесистый жёсткий диск с загруженным на него Хрипуном. Система обслуживания сопротивлялась, пока я переносила её данные на носитель — оказалось, что в Хрипуне куда больше энергии, чем он выказывал. Я носила его с собой, когда нервничала — его натужное кряхтение магическим образом успокаивало в сложные минуты.

Ноги увязают в грязи. Чёртов дождь никак не закончится — за его пеленой неоновые витрины борделя выглядят почти устрашающе. Девчонка жмётся ко мне сбоку — но нет, я должна ускорить шаг, чтобы не выглядело подозрительно.

Конечно, она напугана. Только вчера мы ещё раз встречались с седым мужчиной, который её ко мне тогда привёл, а уже сегодня утром из газет узнали, что его застрелили на углу между Сороковой и Двенадцатой. Нападавшего так и не нашли, да я подозреваю, что и не искали. Но это значит, что кто-то в курсе осведомлённости седого о куполе вокруг Солнца. А значит, этот кто-то будет искать Дафнию.

Я стучусь в задние двери. Долго ждать не приходится — мощный детина ростом под два двадцать рывком отпирает и смотрит на меня пристально, словно вспоминая что-то.

— Десять Улиц, — наконец выдавливает он и ухмыляется. — Аманда заждалась тебя.

— Иди ты, — бурчу, втайне радуясь, что он упомянул Аманду. Значит, она ещё здесь, значит, всё может осуществиться. — Где она? Проведи меня к ней.

— А зачем? — жмёт плечами детина. — Она там же, где и всегда. Третий этаж, вторая комната слева.

Мы поднимаемся. Дафния теперь шагает ближе, да и я расслаблена — в борделе безопасно. В этом городе только шлюх никто не убивает — они слишком ценный ресурс, и к тому же невозобновляемый. Я нахожу нужную комнату и дёргаю ручку двери, но нет — заперто. До меня доносятся глухие стоны

Аманды, и кожу пробирает ревностная дрожь. Что ж, мы подождём немного.

Когда из номера вываливается поддатый типчик с переброшенным через плечо галстуком, я отвешиваю ему злорадного пинка. Пусть знает. К счастью, он слишком быстро летит с лестницы и не успевает заметить, кто его ударил. Пока он считает ступеньки, мы с Дафнией вваливаемся внутрь.

Аманда не удивлена. Она лежит, абсолютно раздетая, на смятой кровати и курит длинную тонкую сигарету. В воздухе ощущается суховатый запах «панацеи». Интересно, это Аманда употребляет или её клиент?

— Здравствуй, — она кивает, не сводя глаз с меня. Дафния её вообще не волнует — андроидов Аманда умеет распознавать ещё лучше, чем я. — По какому делу? Визит оплачен?

— Брось. У меня годовой абонемент и карт-бланш на разврат.

Аманда смеётся, вскакивает и заключает меня в тёплые объятия. Шлюха шлюхой, но почему-то такая искренняя, такая великолепная… Кстати, благодаря её связям я не раз избегала стычек со шпиками и агентами. Она спала со многими известными политиками и бизнесменами, причём многие из них были у неё на крепком постельном крючке.

— Как скоро ты поедешь в резиденцию мэра? — спрашиваю я ровным, серьёзным тоном, без единого оттенка заигрывания. Аманда жмурится.

— Не знаю. Мэр попросит меня через неделю, может, позже. А что?

— Мне нужно, чтобы ты протащила меня с собой.

Кошусь на Дафнию. Девочка с любопытством переводит взгляд с Аманды на меня — ждёт, пока Аманда начнёт отказывать, а я — умолять. Увы, мы ей такого удовольствия не доставим. Ни я, ни она уже не молоды, и все подобные шутки остались позади. Она знает — если прошу, значит, причина веская.

— Если выгорит, сделаем одно большое доброе дело, — улыбаюсь я безмятежно, хотя на душе весьма тоскливо. Не знаю уж, почему.

— Без проблем. Приоденем вас обеих, выдадим за новых девочек. Мэр любит пробовать что-то необычное.

— О, поверь… Необычного мы ему предоставим с лихвой.

Тревога мелькает в глазах Аманды.

— Ты ведь не убьёшь его? Он — наша крыша.

— Может, и убью. Как получится.

Открытость она оценила. Со вздохом Аманда ещё раз обнимает меня и окидывает взглядом.

— Так, и во что же тебя вырядить?

* * *

Нужный мне сервер находится только в одном месте во всём городе — в резиденции мэра. Думается, подобные сервера есть в кабинетах у каждого продажного, скупого, жирного мэра во всём нашем вонючем мире. Надеются ли они, что вышестоящие заберут их рано или поздно на солнечную планету? Вряд ли. Никто не захочет пускать стадо грязных боровов на шелковистые луга.

И всё же какую-то связь с солнечной планетой они поддерживали. Пусть изначально это было лишь предположение, но я поняла, что права, когда мы под конвоем добрались из борделя в шикарное чёрное здание. Нас проводили мимо студии, где проектировался и откуда запускался ненавистный Атом — жалкая замена Солнцу, столь же скверная, как для сливочного масла — машинное.

Нас тут пятеро. Аманда и ещё две женщины — любимая троица мэра. А я и Дафния — так, на закусочку. Но я кое-что приготовила для тебя, урод. Тебе понравится.

Несомненный плюс, что нас не обыскивали. Шлюхи неопасны. Шлюхи беспомощны. Шлюхи слишком многое берут от своих покровителей, чтобы пытаться навредить им любыми способами.

Так что я без особого труда протащила с собой шлем для вирта.

Танцующие голограммы вдоль стен расступаются, освобождая дорогу нашему дражайшему мэру — ублюдку из ублюдков, раскормленному хряку, которому давно уже пора на покой, да вот только никак не соберётся. Что, ждёшь билета на солнышко, милый мой? Твоё солнышко ближе, чем ты думаешь.

Первой он выбирает Аманду. Но у меня нет времени ждать, пока он наиграется — я и так подвергаю себя и девчонку огромной опасности. Ведь если всё сорвётся… То моя новая мечта просто канет в омут, и придётся вечно страдать в этой клоаке, сознавая, что однажды ты могла всё изменить, но промедлила и… Ненавижу ответственность.

Я догоняю их и хватаю мэра за руку. Кружится голова — я порядком выпила перед делом. Сама не понимаю, что я лопочу ему в мясистое ухо, чем соблазняю его извращённый разум, и прежде чем успеваю осознать, что всё получилось, натягиваю шлем для вирта ему на голову.

— Доставь мне удовольствие, моя хорошая, — мурлычет он, погружаясь в видения. Специально для него я приготовила лучшее из лучшего — вечеринку с сочнейшими девочками, смоделированными на основе Аманды и её подруг. Пока он развлекается, у нас с Дафнией есть время. Немного времени.

Аманда приближается к мэру, начинает ласкать его ниже живота. Мне становится дурно. Хорошо, что эта часть плана лежит не на мне. Пока мэр витает в облаках и получает двойное удовольствие, ему и в голову не придёт, что прямо за его спиной налаживается срочный канал связи с солнечной планетой.

Что ж, власть имущие не были оригинальны. Они назвали своё творение Эдемом, узнаю я из свежих новостных сводок. Ах, лучше бы сюда и не заглядывала! В глаза бросаются цвета, которых я не знаю, какие-то травы, животные… И нет дождя, совсем нет. Эдем, воистину Эдем! Но, к сожалению, ненадолго.

Управляемая какой-то внезапной волной мстительности, я подключаю Дафнию к здешнему киберфону. Теперь её сознание — все эти программные коды, стоящие дороже жизни, — вливается на сервер, забивается в массив данных, который я должна каким-то образом переслать роботам на куполе… Но как? Я полагалась на импровизацию, на своё обычное везение, но мало того что разум затуманен дрянным виски, так ещё и соединиться не получается!

Я сбросила всё и начала заново. Канал связи идёт на солнечную планету, с неё — на купол… Но что-то обрывается, где-то стоят надёжные блокираторы, и разбираться с каждым из них просто нет времени. У этих жуиров на Эдеме явно хорошие техники. Не лучше меня, это точно. Но хорошие. И их много, а значит, блокираторов видимо-невидимо, и система максимально защищена от стороннего вмешательства.

Третья попытка. Четвёртая. На лбу выступает пот. Бессмысленно, всё бессмысленно. Я не способна закодировать данные так, чтобы они двинулись напрямую к куполу. Не в этот раз. Глупая самонадеянная курица! Чтобы это сделать, надо иметь под рукой искусственный интеллект старого образца, такого же старого, как и сами те роботы…

Тихое кашлянье. Чересчур натужное.

— Хрипун?

Жёсткий диск, к счастью, имеет звуковой выход в виде динамика. Из него и доносится осторожный и смиренный голос моего милого Хрипуна:

— Госпожа Десять Улиц, полагаю, здесь я могу оказаться вам полезен.

— Я и не сообразила, — бормочу. — Ведь ты и вправду

способен всё сделать, мой друг.

— Друг, — повторяет Хрипун. — Весьма польщён, госпожа. Делайте, что нужно. Я буду рад встретиться со своими сородичами. Признаться, мечтал об этом с давних-давних пор. Я приготовлюсь, хорошо?

И он замолкает. Страдать по нему вроде бы и не получается, а вроде и жалко… Вернуть Хрипуна уже не получится. Это будет билет в один конец — его старая система еле выдержит перенос в один конец, и то вряд ли… Но теперь я его должница, не так ли?

Проверив целостность данных, перезагружаю их на жёсткий диск, в память Хрипуна. Теперь не придётся использовать Эдем как промежуточную станцию передачи данных… Сэкономит время и не нужно будет пробиваться через блокираторы.

Последний раз Хрипун выходит на связь.

— Я всегда хотел спросить, госпожа… Почему у вас такое странное имя?

Вопрос застаёт врасплох. Я ожидала услышать его от кого угодно, но не от системы, которая называла меня так много лет, не вникая в подробности. Но… Если это хоть немного компенсирует его жертву…

— В нашем городе не так много хороших улиц, Хрипун. Действительно хороших. Я бы даже сказала, особенных. В основном это всякие закоулки и переулки, где режут, трахают и бьют. Я не люблю плохие улицы. Не люблю с самого детства. И, изучая город, рисуя в голове его карту, я выделила для себя лишь те улицы, по которым было приятно ходить. Те, на которых я не опасалась быть убитой или изнасилованной. Те, которые давали мне надежду и помогали выжить в этом сумрачном царстве.

— И этих улиц оказалось десять, — констатирует система.

— Ровно. Такое хорошее число. Тогда я решила назваться именно так.

— И не зря, — ободряюще говорит Хрипун. — Ведь то, что вы делаете сейчас… Оно тоже даст кому-то надежду. Оно кого-то спасёт. И вы сами спасёте.

Я подавленно киваю. Почему-то хочется смотреть только на Дафнию, только на эту странную девочку-андроида. Героиня-то не я. Я — лишь исполнитель. А эта машина принесла простым людям такую важную весть, рискуя всем, чем только можно, и только благодаря ей возможным стало новое, светлое будущее.

От осознания этой мысли я испытала одновременно стыд и волнение. Я опустошила Дафнию. Ценные сведения отправлены к куполу одним движением руки. Теперь, по логике вещей, я должна Дафнию уничтожить — чтобы никогда ни одна ищейка не смогла проникнуть в неё и, покопавшись в схемах, добыть

крупицы остаточных сведений… Нет. Ни одна крыса никогда не узнает, кто станет спасителем мира. Я должна не только Хрипуну, но и ей — маленькой героине с цифровым мозгом, в котором вопреки программе проклюнулось что-то правильное, что-то человеческое…

Такой вот цепочкой — Дафния, седой мужчина, я, Аманда и Хрипун — мы совместно совершили что-то большое. Большое и светлое.

Возможно, мы спасли Солнце. А может, и нет. Может, Хрипун не доберётся по своим каналам до купола и затеряется среди космических излучений, и чёртов Эдем не зачахнет, а расцветёт.

Возможно…

Что теперь гадать? Я сделала, что могла. Ни наше, ни следующее поколение Солнца всё равно не увидят. Чтобы купол рухнул, нужны годы — если не века. Наивно было бы надеяться хоть на один настоящий луч. Однако — что ещё мне остаётся?

На губах играет улыбка. Мэр всё ещё корчится в экстазе, ощупывая своих шлюх. Скоро он вспомнит и о нас с Дафнией, и если мы сейчас сбежим, то он подымет тревогу…

— Стой здесь, маленькая, — говорю я андроиду, и голос мой для неё становится теплее любых солнечных лучей. — Я сделаю всё за нас обеих.

* * *

Город всё ещё пахнет плесенью и загадками.

Только теперь я хожу по нему с улыбкой, пряча её от недоумевающих прохожих под тенью шляпы. Я обхожу свои Десять Улиц, своё имя, свою надежду. Я всё время жду, пока исчезнет Атом и появится Солнце — настоящее, из старых легенд и баек. То самое, которое слепит и которое ярко-жёлтое. Которое — огонь.

Иногда я сворачиваю на Пятнадцатую. Это хорошая улица. Там живут дорогие мне люди. Дорогие — с недавних пор.

Я останавливаюсь у фонаря, прислоняюсь к нему спиной и жду, пока небритый мужчина выбросит мусор в контейнер неподалёку и краешком рта скажет:

— С ней всё хорошо. Кассандра заботится о ней.

— Спасибо тебе, Грегориан. Как ты объяснил нежданное появление дочери?

— Сказал, что имел кое-какой роман до войны. До плена. До стерилизации.

— Вообще-то кастрации, ну да ладно. Она адаптировалась?

— Полностью. Тебя и не вспоминает. Ты хорошо подчистила ей память.

— Ей не нужно меня помнить, — поднимаю глаза к серому небу. Опять сгущаются тучи — будет дождь. — Ей просто нужно дождаться. Она заслужила это больше, чем все мы.

Я отрываюсь от фонаря и ухожу во тьму города.

Ухожу на свои Десять Улиц.

Ухожу с надеждой.